А. Д. Некипелов[1]

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

Линейная логика развития мирохозяйственного устройства

По своей природе рыночная экономика атомистична. Ее основу составляют сетевые, горизонтальные связи между отдельными лицами, самостоятельно принимающими хозяйственные решения. Конечно, здесь имеются и иерархически организованные группы людей. Внутри таких коллективных образований преобладают вертикальные отношения, отражающие различную роль их участников в принятии и реализации решений.

Одной из таких значимых групп, действующих в рыночной экономике, является капиталистическая фирма, функционирование которой в идеале подчинено единой цели — максимизации прибыли. Вместе с тем несложно заметить, что появление любой фирмы опосредовано индивидуальным выбором — его делает каждый из ее сотрудников при найме на работу. При этом фирмы сами являются участниками горизонтальных рыночных взаимодействий с другими субъектами хозяйственной деятельности.

Еще одним важнейшим источником иерархических отношений в рыночной экономике является государство. С точки зрения природы рассматриваемой формы экономического устройства функции этого органа управления обществом представляются весьма ограниченными: они сводятся к защите прав частной собственности и гарантированию соблюдения сделок, заключаемых физическими и юридическими лицами. В этом смысле властные полномочия государства оказываются подчиненными задаче эффективного функционирования меновых отношений, по своей сути имеющих сетевой характер. При таком понимании географические границы государств не кажутся столь уж и важными; существенно лишь то, чтобы на любой территории обеспечивалось выполнение упомянутых государственных функций.

Еще К. Маркс обращал внимание на то, что интернациональный характер капиталистического общества связан с его атомистичностью. Отсюда известные тезисы ученого о том, что у пролетариев нет отечества, а классовые интересы капитала доминируют над национальными. Хорошо укладывается в эту схему и теоретическое положение, согласно которому экономические отношения представляют собой базис, тогда как государство, подчиненное интересам господствующего класса — капитала, наряду с культурой входит в состав надстройки общественной системы.

Принципиальная вторичность в рамках рассматриваемого подхода вопроса о конфигурации государственных границ не означает, что их конкретные очертания не имеют реальных экономических последствий. Необходимость мобилизации любым государством средств для финансирования деятельности, направленной на выполнение его упомянутых выше минималистских функций, сама по себе неизбежно приводит к появлению различающихся между странами налоговых систем. Это, в свою очередь, становится причиной различий в условиях ведения хозяйственной деятельности в отдельных государствах, что прямо сказывается на складывающихся внутри них ценовых пропорциях, а в результате и на транснациональных потоках товаров, услуг, финансовых ресурсов.

По мере технологического прогресса, сопровождающегося расширением масштабов производства, такого рода гетерогенность условий хозяйственной деятельности на планете все больше и больше вступает в противоречие с самой природой рыночной экономики. Если институт государства призван лишь обеспечивать необходимые условия для функционирования рынка, то естественной реакцией на все более расширяющиеся транснациональные хозяйственные связи должно быть стремление национальных государств совместными усилиями добиваться формирования единой на всем земном шаре нормативно-правовой среды для бизнеса. В фискальной сфере это в идеале предполагает последовательное движение в сторону учреждения единой мировой налоговой системы,

[1] Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от „робинзонады“ до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» «Общая теория рыночной экономики» и др.; статей: «О возможности формирования обновленной парадигмы теорий индивидуального и группового выбора», «Поиск социального оптимума: погоня за призраком?», «Кризис общей теории и некоторые проблемы экономического образования» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Александра Невского, Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

а также полного отказа от использования таможенных пошлин и всякого рода ограничений на пути трансграничного перемещения факторов производства. Повышение степени однородности рыночной среды рассматривается при таком подходе как прямой и неизбежный результат технологического прогресса. В этом, собственно говоря, и состоит «линейный» характер данного подхода.

Интересно, что аналогичный вывод о неизбежном исчезновении под натиском технологического прогресса «государственных перегородок» и формировании однородного экономического пространства был распространен В. И. Лениным и на принципиально иное общественное устройство — социализм. В самом деле, его известный тезис о «мировом кооперативе народов» представляет собой не что иное, как социалистический вариант «конца истории». Здесь, правда, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство.

В отличие от капитализма, социализм по определению не является атомистичным обществом. В его рамках основополагающими являются не горизонтальные (между отдельными экономическими агентами), а вертикальные (между членами ассоциации и ассоциацией в целом) отношения. Вследствие этого переход от локальных интересов отдельных стран к общему интересу «мирового социалистического сообщества» оказывается не столь простым[1].

Реальный ход мирохозяйственного развития

Реальный ход мирохозяйственного развития полностью подтвердил тезис об интернационализирующей силе технологического прогресса. На длительном историческом отрезке наблюдается последовательное наращивание, хотя и с известными колебаниями, всех видов международных хозяйственных связей: трансграничных потоков товаров и услуг, капитала и рабочей силы. На определенном этапе этот процесс приводит к возникновению транснациональных структур, в рамках которых внутрифирменное разделение труда приобретает характер международного.

Общий результат такого развития событий состоит во все более тесном переплетении национальных производственно-экономических систем и формирующейся на этой основе все более интегрированной мировой хозяйственно-технологической системы. На производственном уровне степень такой интегрированности проявляется в таких натуральных показателях, как доля полученных из-за границы сырья, услуг физического капитала и труда в создании отдельных видов продукции. В условиях рыночной системы производными от них экономическими показателями процесса интернационализации являются доли стоимости иностранных товаров в розничном товарообороте страны, иностранного капитала в национальных инвестициях, экспорта и импорта товаров и услуг в валовом внутреннем продукте и т. п. При этом близость взаимных международных производственно-экономических связей объективно не может быть одинаковой в различных частях мировой экономики. Здесь сказываются как особенности пространственного расположения производителей и потребителей, так и уровни технологического развития различных территорий.

Сложнее обстоит дело с институциональной стороной процесса интернационализации производства, отражающей степень однородности условий хозяйственной деятельности в различных частях земного шара.

В условиях капитализма свободной конкуренции процесс гомогенизации мирового экономического пространства развивался весьма быстро. Важную роль здесь играли два фактора. Во-первых, в этот период последовательно, по сравнению с эпохой централизованных феодальных государств, снижалась экономическая роль государства. Последняя постепенно сводилась к выполнению упомянутых выше двух функций — защите прав собственности и обеспечению действенности санкций в случае нарушения контрактных обязательств (государство как «ночной сторож»). Потребность в ресурсах, необходимых для реализации этих ограниченных функций, была относительно незначительной (достаточно сказать, что в начале XX века обычная доля расходов государства в валовом внутреннем продукте составляла примерно 10 %), а потому существовавшие различия в налоговых ставках и таможенных пошлинах оказывали ограниченное влияние на выбор между отечественными и иностранными партнерами. Во-вторых, важнейшим фактором, обеспечивавшим высокую степень однородности мирового хозяйства в этот период, являлось существование на территории всего земного шара фактически единой денежной системы, основанной на золотомонетном стандарте.

Ситуация начала меняться с переходом рыночной экономики в стадию несовершенной конкуренции («монополистического капитализма» в марксистской терминологии), который стал очевидным в последней четверти XIX века. В этих условиях меняется, в частности, роль государства: из «ночного сторожа» оно постепенно превращается в важнейший субъект экономической деятельности. Его задачей внутри страны становится поддержание социально-политической стабильности, а на международной арене — защита и продвижение интересов национального капитала. Переплетение внутренних и внешних функций превращает государство в мощный инструмент обеспечения конкурентоспособности национальной экономики.

Новым для мировой экономики явлением становится стратегическая конкуренция капиталистических государств. Она приводит к мощным межгосударственным коллизиям, в наиболее яркой форме проявившим-

[1] Это проявилось в период, когда мир был расколот на две общественно-экономические системы. Вывод о якобы объективном стремлении централизованно планируемых социалистических экономик к автаркическому развитию, который был весьма распространен в западной экономической науке, являлся явным преувеличением. Однако опыт стран Совета экономической взаимопомощи, объединявшего значительную часть стран социалистического лагеря, несомненно, свидетельствовал о том, что именно национальные государства являлись основными субъектами международных экономических отношений, выступая в них от имени соответствующих народов. В этих условиях отсутствовали возможности для постепенного усиления однородности условий хозяйственной деятельности: таковыми они могли стать лишь при отказе от самого института национальных государств. Это, впрочем, в более широком контексте соответствовало марксистской идее об исторической неизбежности отмирания института государства.

ся в ходе Первой, а затем и Второй мировых войн. Результатом на весьма продолжительный период стало даже распадение мирового хозяйства на два социально-экономических сектора — капиталистический и социалистический. В рамках мирового хозяйства формируются отношения трех типов, отличающихся по своему социально-экономическому содержанию, — внутри каждого из секторов, а также между ними.

Переход к стадии капитализма несовершенной конкуренции сопровождается существенными изменениями в мировой денежной системе, завершающимися полным переходом от золотого стандарта к кредитным (фиатным) деньгам. Важным результатом этого процесса стало появление у государства нового мощного инструмента влияния на экономическую жизнь общества — денежно-кредитной политики. Такое развитие событий не является случайным, оно прямо вытекает из изменившейся роли государства. Фактором, подталкивавшим к введению новых национальных денежных систем, стало обеспечиваемое ими существенное снижение трансакционных издержек. Возможность же реализации этих выгод появилась в связи с тем экономическим могуществом и производным от него доверием, которые приобрел в новых условиях институт государства. Однако этим последствия изменений в монетарной сфере не ограничились.

Исчезновение единой — золотой — основы у мировой денежной системы нарушило однородность мирового хозяйства в этой сфере и с точки зрения «линейной логики» знаменовало институциональный регресс. Негативные последствия фрагментации мирового денежного пространства удалось смягчить наделением доллара США функцией основной резервной валюты. Серьезные преимущества для США, вытекающие из такого положения национальной валюты, делают эту систему зависимой как от степени ответственности перед остальным миром страны-эмитента, так и — в более отдаленном плане — от соотношения экономических сил в мире.

В силу причин, анализ которых выходит за рамки предмета моего доклада, в начале 1990-х годов сектор централизованно управляемых социалистических экономик прекращает существование, и хозяйственная деятельность повсеместно подчиняется законам рынка. В этот же период приобретает практически всеобщее признание идея неотвратимости процесса глобализации, основанного на либерализации всех сторон хозяйственной деятельности — производственной, торговой, финансовой. В качестве свидетельства того, что прогрессирующее падение роли национальных государств неизбежно, рассматривается также мощное развитие транснациональных структур и связанное с их функционированием формирование международных цепочек добавленной стоимости.

Казалось бы, развитие мирового хозяйства вернулось к «линейной логике», определяющей неуклонное движение планетарной экономики к полностью однородному состоянию — «концу истории». Не случайно именно в этот период резко участились и рассуждения о формировании — пусть и не в самом ближайшем будущем — единого мирового правительства.

Однако несложно заметить, что такой возврат стал результатом не столько действия сил, «не зависящих от воли и сознания» отдельных акторов, сколько целенаправленных усилий наиболее развитых государств: либерализация хозяйственной деятельности позволяла им на том этапе закрепить лидирующее положение в мире. В сущности, деэтатизация касалась государств, не относящихся к странам «золотого миллиарда»; могущество последних как раз возрастало. Правда, нельзя не признать и того, что в среднесрочном плане получение выгоды от процесса глобализации — доступ к современным технологиям и формам ведения хозяйственной деятельности, приобщение к более высоким стандартам потребления — наблюдалось и в менее развитых странах. Долгосрочные негативные последствия для них процесса глобализации становятся понятными только сейчас: зависимое положение в транснациональных цепочках добавленной стоимости, ограниченные возможности проведения самостоятельной экономической политики, уязвимость к санкциям со стороны наиболее развитых государств.

Парадоксально, но закат процесса глобализации мировой экономики начался также по воле развитых государств Запада. Причиной стали как изменение соотношения сил на мировой арене (прежде всего — возвышение Китая), так и негативные последствия для этих государств сделанной ранее ставки на уход из реального сектора экономики и полную либерализацию финансовой деятельности. Мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов сыграл здесь роль «спускового крючка», повлекшего кардинальное изменение проводимой ими экономической политики.

Фрагментация мирового хозяйства как экономическая сторона процесса перехода к многополярному миру

Определенная часть исследователей полагает, что говорить об обращении вспять процесса экономической глобализации неправомерно. При этом они, как правило, ссылаются на то, что известное сокращение транснациональных хозяйственных связей после мирового финансово-экономического кризиса носит временный характер.

С последним утверждением вполне можно согласиться: есть все основания считать, что научно-технологический прогресс будет и впоследствии сопровождаться расширением масштабов производственной деятельности, а также зон сбыта продукции и применения факторов производства, в том числе за рамками национальных государств. Однако при таком понимании процесс глобализации ничем не отличается от того, что в экономической науке издавна принято обозначать термином «интернационализация хозяйственной деятельности». Как представляется, качественную специфику он приобретает только в том случае, если связывается, как отмечалось выше, с движением ко все более однородной экономической (в современных условиях — рыночной) среде. А вот с этой точки зрения как раз и имеются основания говорить о том, что на смену экономической глобализации пришел период фрагментации мирохозяйственного устройства.

Очевидно, что вступление мирового хозяйства в этот период не случайно совпадает с более общим процессом перехода от однополярного к многополярному миру, практически является его составляющей. Процесс этот по необходимости характеризуется острой конкуренцией государств («стратегической конкуренцией»), в ходе которой будут проявляться (и уже проявляются) не только чисто хозяйственные интересы, но и культурно-цивилизационные. С учетом большого количества государств мира, к тому же существенно отличающихся друг от друга уровнем развития, ресурсным и научно-производственным потенциалом, период фрагментации мирового хозяйства будет характеризоваться повышенным уровнем неопределенности, опасностью крупных межгосударственных конфликтов. Свидетельством этого являются сегодняшние события на Украине и Ближнем Востоке.

Сложность переживаемого процесса определяется многообразием и нетривиальностью задач, которые в ходе него предстоит решать всем странам.

Серьезной корректировке будет подвергаться понимание государственных интересов (в том числе в отношении аллокации ресурсов с учетом участия в международном разделении труда). При принятии решений о целесообразности увеличения степени международной специализации наряду с возможностями повышения эффективности производства существенно большее значение будет придаваться оценке рисков, связанных с усилением зависимости от партнеров из других государств.

Стремление создать зоны стабильности, позволяющие максимально полно использовать открываемые технологическим прогрессом возможности экономии за счет масштаба, будет содействовать формированию коалиций государств, характеризующихся повышенной степенью однородности экономического пространства. Такие интеграционные объединения, в свою очередь, будут претендовать на роли полюсов нового многополярного мира.

Процесс переформатирования мирового сообщества в целом и мирового хозяйства в частности неизбежно приведет к обновлению институтов международного экономического сотрудничества как в рамках отдельных групп государств, так и всей планеты. Уже сегодня такие тенденции отчетливо проявляются в монетарной сфере. Меняются состав и сравнительная роль резервных валют, в оборот внедряются цифровые валюты, не связанные с национальными денежными властями, активизируется использование «мягких» национальных валют в трансграничных расчетах, ведется активная проработка возможностей формирования новых международных валют. В связи с этим важно иметь в виду следующее обстоятельство.

Одна из главных проблем группового выбора состоит, как известно, в неизбежно возникающей здесь цикличности: для того чтобы принимать рациональные решения, члены группы должны принять решение о том, как они будут их принимать. Понятно, что в таких условиях баланс интересов не может не быть результатом многоступенчатого итеративного процесса. Более того, сам такой баланс может оказаться весьма шатким: ведь к его нарушению могут привести изменения не только в интересах отдельных членов группы, но и в их представлениях о том, как такие интересы следует согласовывать. К счастью, в сложившихся группах действует также и сила, как правило, придающая минимально необходимую устойчивость достигнутым соглашениям: отказ от них сплошь и рядом чреват бóльшими потерями для членов группы, чем проблематичные выгоды от их изменения.

Таким образом, следует ожидать продолжительного периода, в течение которого будет формироваться новая структура мирового сообщества и институты, опосредующие взаимоотношения его акторов как на глобальном уровне, так и в рамках отдельных коалиций. Одной из важных сторон этого процесса будут изменения в организации мировой экономики. И отдельным государствам, и их объединениям предстоит трудный поиск своего места в новой архитектуре мирового сообщества. Очевидно, что процесс этот будет иметь сложный, игровой характер.

Важную роль здесь играет БРИКС. Консолидация государств, входящих в эту организацию, сегодня определяется их общим пониманием необходимости перестройки на новых принципах мирового сообщества в целом и мирового хозяйства в частности. Разумеется, они стремятся уже сейчас строить свои взаимоотношения на этой новой основе и, таким образом, берут на себя функции важнейшего полюса находящегося в процессе становления многополярного мира. Однако вполне можно допустить, что по мере обретения этими принципами универсального характера сегодняшние партнеры по БРИКС окажутся участниками различных международных коалиций — будущих полюсов мирового сообщества. В этом отношении историческая роль БРИКС, по всей видимости, состоит в том, чтобы послужить основным полигоном для выработки новых справедливых принципов взаимоотношений различных государств и их коалиций в рамках мирового сообщества.